Перевод сотрудника

Спустя пол месяца, центральная зона Железной Розы.

— Мерзкий надзиратель!

— Надзиратель сегодня снова здесь... Он выглядит не очень хорошо... Неужели его здоровье подводит?

— Иди сюда, если у тебя хватит смелости, сопляк! Посмотрим, не оторву ли я тебе голову!

...

Эйден в сопровождении Френды медленно шёл по коридорам, совершая свой обычный обход центральной зоны.

— Минуточку, господин Эйден! — заявила Фей, как обычно, надувшись, когда они проходили мимо тринадцатой камеры, облокотившись на решетку, — Мне нужно сказать вам кое-что важное!

Эйден тут же отшатнулся от неё: — Что, ты не собираешься снова сказать, что тебя тоже несправедливо обвинили? И попросить меня пересмотреть дело в твою пользу?

— А? Откуда вы знаете? — смутилась Фей, у которой украли реплику.

— Ты уже пять раз попадала в тюрьму, думаешь, я тебя не знаю? Я пойму, какой формы будет твоё говно, своит тебе выпятить зад! — грубо ответил Эйден в плохом настроении. — Просишь меня помочь тебе пересмотреть дело? Даже не думай об этом!

— Сэр Эйден, это несправедливо! Мы же так хорошо знакомы, а вы даёте людям шанс. Та волчица пришла в первый раз, и вы помогли ей, — недовольно скривилась Фей.

— Не думай, что у тебя есть шанс только потому, что твоя соседка по комнате вышла! В какой раз тебя обвинили за преступление, которое ты не совершала? — Эйден поднял ногу и ударил ногой в дверь камеры. — Ты теперь одна в двухместной палате можешь втайне развлекать, веди себя хорошо.

Сказав это, Эйден оставил Фей и продолжил обход.

— Прошла уже неделя, а она так и не вернулась? — небрежно спросила Френда, шедшая следом.

— Нет, не говоря уже о встрече, она даже не отправила благодарственной записки. Что за равнодушная женщина, — покачал головой Эйден.

Неделю назад Вероника вышла из тюрьмы на повторное слушание дела.

Учитывая, что приговор, скорее всего, будет отменен, Вероника заранее попрощалась с Эйденом, который пришел её проводить.

В тот момент она сказала, что если удастся выбраться, она обязательно вернется, чтобы лично поблагодарить Эйдена.

И вот после окончания судебного процесса её освободили.

— Не думаю, что она захочет иметь что-то ещё, связанное с этим местом; не то чтобы тюрьма была запоминающимся местом для заключенных, а для несправедливо обвиненных – тем более. Я здесь уже десять лет или около того, и заключенных, которые говорили мне, что вернутся, чтобы навестить меня, хватило бы на целый блок камер. Но ни одна из них так и не пришла, — пожаловалась Френда.

— Если они не возвращаются, чтобы увеличить нашу нагрузку, то всё равно, — Эйден закончил и повернулся. — Всё, экскурсия окончена, возвращайтесь.

Вернувшись в свой кабинет, Эйден сделал себе чашку чая и сел отдохнуть в мягкое кресло у чайного столика.

На чайном столике лежала газета «Ежедневные новости Серебряного града», которую принесли для него другие охранники. Заголовок гласил: «Суд по делу об убийстве полицейским, потрясшем всю страну, начинается с вынесения пожизненного приговора офицеру Джалону Ройттену».

— И даже не смертная казнь? — усмехнулся Эйден.

Вероника была приговорена к смерти без лишних слов, когда её схватили. И теперь, когда дело пересмотрели, Джалона приговорили только к пожизненному заключению. Кажется, что сенатор Ройттен всеми силами пытался сохранить жизнь своему сыну, пока его власть не пошатнулась окончательно.

Конечно, политическая карьера этого человека закончилась, а заголовок на второй странице газеты гласил: «Член парламента Энтони Ройттен обвинён в незаконной выдаче государственной должности для члена своей семьи».

Неудивительно. Семья Ройттен не является глубоко укоренившейся политической семьей, и подобный скандал для них губителен.

Вдобавок ко всему, в заголовках вскользь упоминался Брюс Кейн, которого судили вместе с ним. Парень получил всего два года, что в некотором роде является выгодной сделкой.

Под внушением Эйдена Брюс не стал говорить, что на него охотился убийца, а лишь сообщил прокуратуре, что сдался по собственной инициативе, потому что его мучила совесть. Таким образом, поступок Эйдена не стал предметом расследования, а Брюс смог побороться за смягчение приговора.

Однако Эйден не собирался так просто отпускать этих двоих. Из отчета следовало, что они будут заключены в мужскую тюрьму Железного Шипа Серебряного Града. Он приготовился написать начальнику тюрьмы, чтобы тот «позаботился» об этих двух новых заключенных. Так уж получилось, что тюрьма Железного Шипа недавно подумывала о посещении их подразделения для ознакомления с его правилами и новшествами, поэтому они согласятся оказать небольшую услугу для него.

Смертная казнь, вероятно, была бы лучшим вариантом, чем пожизненное заключение, если заключенный становится постоянной мишенью.

Он небрежно пролистал газету и с удивлением увидел интервью с Вероникой на задней полосе: «Вероника Вульф, цветок полиции, наконец-то оправдана после борьбы на грани смерти».

История начиналась с краткого описания пути Вероники от несправедливого тюремного заключения до освобождения в суде на повторном слушании, перечисления прошлых достижений Вероники и интервью с некоторыми сотрудниками, а также описания того, как она неустанно боролась с момента ареста и до заключения в тюрьму.

Позитивное освещение событий рисовало Веронику как святую, ни слова не говоря о её принадлежности к оборотням – хотя Эйден помнил, как видел запечатленную репортером гримасу Вероники, когда она сопротивлялась аресту, в ежедневной газете, когда он только начал следить за делом. Тогда заголовок газеты был ещё таким: «Убийца-полицейский попадает в сети правосудия, превращается в оборотня и злостно сопротивляется аресту».

Эйден внимательно просмотрел статью и наконец нашел часть интервью Вероники, в которой упоминался он сам.

«Благодаря начальнику Железной Розы мне удалось добиться оправдания» — это было единственное упоминание о нём во всей статье. Репортер, вероятно, решил, что он просто помог Веронике подать заявление на повторное рассмотрение дела.

— После того как я столько дней метался, моя часть совсем небольшая, — вздохнул Эйден, взяв чашку с чаем.

Да и эта девушка тоже не любит многословить. Даже если она не хотела возвращаться в тюрьму, могла бы найти его в частном порядке, чтобы поблагодарить... или хотя бы отправить

письмо.

Он продолжал листать страницу вниз и увидел, что Вероника рассказывает о своих дальнейших карьерных планах: «…Конная полиция восстановила меня в должности, сообщив, что я могу вернуться в любое время, но у меня были предложения и от других агентств».

После этого инцидента имидж конной полиции пошатнулся, но сама Вероника привлекла к себе много внимания как жертва.

Если она решит вернуться, полиции, желая исправить свой образ, скорее всего, дадут ей компенсационное повышение. Кроме того, найдется немало авторитетов, желающих воспользоваться волной общественного резонанса и готовых взять её на работу, если она будет заинтересована в переводе в другое подразделение с более высокой зарплатой – в общем, будущее выглядит радужным.

«Вероятно, в будущем мы пересекаться больше не будем…» – подумал Эйден и отложил газету.

В этот момент в дверь кабинета постучали.

— Войдите.

Как только слова сорвались с его губ, Френда протиснулась в кабинет и протянула ему лист бумаги: — Сэр, посмотрите!

— Заявление о переводе? Снова кто-то хочет уйти, — Эйден мельком взглянул на крупный заголовок документа.

— Нет, кое-кто хочет перевестись к нам! Посмотрите на имя! — убеждала Френда.

— Хм? — Эйден окинул взглядом колонку заявителя, на мгновение озадачился, а затем разразился хохотом. — Эта девушка…

В графе «Заявитель» стояло очень знакомое ему имя – Вероника Вульф, и почерк был точно таким же, как и подпись на заявлении о повторном рассмотрении дела.

http://tl.rulate.ru/book/100692/3570473